

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков

Каждому, конечно, известна пословица: "На волка слава, а овец таскает Савва", и другая: "Чему посмеешься, тому поработаешь", но едва ли всякий поручится, что, зная первую пословицу, он по второй не поработал тому самому, над чем издевался. Дел, в которых легко наблюдать это, целая бездна, и больших, и малых, и частных, и имеющих значение вполне общественное. Не только частный человек сплошь и рядом укоряет ближнего в том, чему сам со всеусердием работает, но и целые сословия нередко упрекают друг друга в том, в чем они не имеют одно перед другим никаких преимуществ. Даже один век нередко посмеивается над другим, вовсе не замечая, что и его дни в известном смысле не лучше дней отошедшего века. Упивающийся ценным вином и проводящий непотребную жизнь барин не смущаясь разглагольствует о пьянстве и разврате народа и требует для него "узду с гремушками да бич"; ханжа, преследующий ближнего своего судебным порядком за недоплаченный грош, бестрепетно подходит к алтарю и читает: "остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должником нашим", и гремит против безверия века; празднующий упрекает всех в лености; грабитель корит других за корыстолюбие, и т. д., и т. д. Всего этого не перечтешь и не перечислишь, но что всего в этом замечательнее – это то, что такие несообразности делаются не холодно, не сознательно, не по-фарисейски, а довольно искренно. Люди, по своему легкомыслию и страсти к осуждению, даже как бы и не замечают того, о чем лепечут, и потому не видят своей работы в пользу того самого, над чем глумятся и издеваются.

В не очень давнее время, именно во дни, предшествовавшие освобождению помещичьих крестьян от крепостного состояния, был явлен весьма крупный и внушающий пример такой неправой укоризны, поддерживаемый друг против друга целыми сословиями. В те дни,

Когда был в моде трубочист,

А генералы гнули выю,

Когда стремился гимназист

Преобразовывать Россию.

подвергалось жесточайшей опале дворянство. Сословию этому были позабыты все его заслуги и строго сосчитаны все его преступления и вины. В главнейшую вину дворянству вменялось его крепостничество – его "владение крещеною собственностью". Под дворян подкапывались все, не исключая купечества и даже духовенства, одного из представителей которого покойный граф М. Н. Муравьев остановил от такого труда самым энергичным образом. Малообразованное и вообще неповинное в знании отечественной истории общество русское сочувствовало и чуть не рукоплескало таким нападкам на рабовладельчество дворян, что, конечно, весьма понятно; но странно, что во все это время никому не пришло в голову, что у нас отнюдь не одни же дворяне повинны в недостойном рабовладельчестве, что у нас точно так же, как помещные дворяне, владели крепостными людьми и купцы, и духовенство, и чиновники, приписывавшие "своих людей" к городским домам и к капиталам, и даже однодворцы, которые и по своему воспитанию и по образованию, и по образу жизни были такие же крестьяне, как и та "крещеная собственность", которую они владели на всех помещичьих привилегиях. Этого у нас словно не знали, да, кажется, и в самом деле очень многие не знали, несмотря на то, что отображение крестьян от однодворцев происходило на живой памяти живущего поколения, которое еще не признает себя старым. Не вспомнуто было ни однажды и того, что все разночинные рабовладельцы освободили своих крестьян по указу, а (как бы там ни было) не по доброй воле, и освободили их без земли, в полную бесприютность, а некоторые даже (однодворцы) прямо на высылку на Кавказ и на Мангишлякский полуостров.

"Московские ведомости" недавно выразили ту мысль, что нашему обществу небесполезно еще высказывать и повторять самые общеизвестные истины, – это можно принять и развить гораздо далее: для очень многих людей нашего общества, претендующих на звание людей образованных, действительно совершенно впору и в пользу было бы, если им под видом новостей сообщать в современных изданиях рассказы из русской истории и даже из истории священной, так как у нас очень

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru многие воспитанные люди делают непростительные промахи даже против последней, заключаемой преподаванием во втором классе гимназии.

[Доказательства такого прискорбного невежества бездна, и к числу их, конечно, должно отнести довольно всеобщее убеждение, что северо-западный край России есть земля польская, или курioзное недоумение многих, откуда взял г. Серов ветулийскую жену (Юдифь). (Прим. автора)]

С тою же основательностью, с какою нападает человек на человека, или сословие на сословие, или даже нация на нацию, нападает даже и одно время на другое. Не вдаваясь в сопоставление многообразных и многоразличных нелепиц в этом роде (в чем невозможно встретить никакого недостатка), укажем на один пример, черпаемый не из истории, а из живого факта, и притом приводимый не нами, а другим лицом, для нас совершенно посторонним, но имеющим свое достойное общественное положение и притом высказавшим совершенную истину.

На сих днях в С.-Петербургской судебной палате разбиралось дело по обвинению некоего издателя Щапова в издании писем Луи Блана об Англии. (Отчет по этому делу и защитительная речь присяжного поверенного г. Спасовича, к которой мы хотим обратиться, на этой неделе уже были напечатаны в нашей газете.) Обвинение было весьма сложное и, как суд признал, весьма неосновательное; но этому всему уже было свое время и свое место. Здесь мы упомянем только, что на судоговорении по этому делу даровитый защитник обвиненного и его интересов нашел возможность убедить всех, что в словах Луи Блана о том, что "две тысячи лет как искупитель пришел, а искупление еще не совершилось", нет ничего противного истине, так как две трети человеческого рода еще не исповедуют Христа, да и из исповедующих его великое большинство исповедует христианство лишь одними устами, а сердцем отстоит от него далече. Это казалось как бы новостью! Век наш похваляется ясностью взгляда и гуманностью, а между тем на деле на его очах лежит своя слепота, на душе его своя алчность и злопомнение, на сердце жестокость, в обычаях лукавство, возводимое даже на степень науки (дипломатия), в крови месть, и месть злостнейшая всякой вендеты уже не по тому одному, что она даже не удовлетворяется никаким отмщением, но потому, что она живет не чувством нанесенной нестерпимой обиды, а позорным чувством нетерпимости к чужому мнению, несогласному с нашим мнением.

В этом отношении XIX век (в нашем отечестве) не лучше многих пережитых Россией веков, а очень многих положительно хуже, и кичение ему поистине не довлеет.

Среди наилучших учреждений, каких страна наша до сих пор никогда не имела и которые ныне имеет, общество упорно отказывается дать свидетельство своей толерантности по отношению к людскому разномыслию, разночувствию и разностремлению, а в то же время само в собирательном составе своем не обнаруживает, чтобы оно опиралось на твердой почве самостоятельных мнений, и в несогласном шуме своем напоминает лишь ветром колеблемые трости.

Во всяком случае все это знамение не той высокой цивилизации и не того гуманного развития, которые позволяли бы нашему веку кичиться его кичением. Путь предстоящего нам развития еще очень велик, и задачи, предлежащие обществу к разрешению в духе, благодеющем преуспеянию человечества, многи.

Один из современных наших беллетристов печатает в настоящее время в одном из журналов роман, который называется "Панургово стадо". В этом "Панурговом стаде" автор изображает наше общество с его стадными склонностями метаться из стороны в сторону. Задача этого романа и даже самое его заглавие, конечно, очень неместно для общества, которое дало автору для такого сочинения типы и мотивы, но, по пословице, "нечего пенять на зеркало, когда лицо криво".

С тех пор как мы имеем гласные суды, в них уже разобрано немало литературных процессов; но никогда процессов этого рода не скоплялось одновременно столько, сколько собралось их в настоящее время. В газетах опубликован целый длинный ряд дел о литераторах, обвинения которых будут рассматриваться одно вслед за другим.

По настоящему судя, нет, конечно, в этом ничего дивного и ничего странного: мир велик, и, живучи с людьми, на всех не угодишь, а народная мудрость завещает человеку не зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы, а тем паче от суда человеческого. Суд не обида, обида - бессудье, а в силу того суд и не укоризна тому, кто к нему привлекается. Так на это дело смотрят во всех странах мира, и

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru так же точно смотрят на это и у нас по отношению ко всем людям, кроме людей литературных. Тут общество относится к делу несколько иначе, и едва ли относится правильно.

Общество наше хотя и не видит в литературных процессах прямого бесчестия для привлеченных к суду литераторов и жадно устремляется наполнять судебные залы при разбирательстве литературных процессов, но оно все-таки усматривает в этих судбищах нечто компрометирующее литературную среду; нечто низводящее ее в обыденную, низменную сферу; нечто роняющее литераторов в общественном мнении и, так сказать, вменяющее их со незаконными, для которых в залах судилищ утверждена скамья подсудимых.

Если бы сторонний нам чужеземец, не знающий всех сформировавшихся и окрепших отношений нашего общества к литературе и литературы к обществу, наблюдал только один приведенный нами взгляд без всякой связи с иными явлениями, то он, без сомнения, имел бы право заключить, что литературные занятия нигде так высоко не чтимы, как в России, и что общество наше ревниво дорожит репутациею своих писателей и считает их людьми, которые стоят

Превыше мира и страстей.

Повторяем: чужеземец был бы совершенно прав, придя к такому выводу; но мы, "судьбину испытавшие себе на тягостную часть", мы, увы! должны чувствовать и умозаключать иначе.

Мы положительно можем сказать, что ни особой любви, ни особенного внимания в русском обществе к русской литературе и русским литераторам нет. По крайней мере, нет их далеко в той степени, в какой пользуются ими у своих соотечественников литераторы английские, французские, немецкие и польские.

Доказательств этому бездна, и на некоторые из них литература наша указывала. Так, было, например, говорено о том воодушевляющем сочувствии, которое недавно английское общество выразило Чарльзу Диккенсу при его отъезде в Америку, где он читал свои произведения. Указываемо было не раз на внимание публики иностранной и к другим писателям относительно меньшего значения, как, например, на симпатии французов к Виктору Гюго или немцев к Бертольду Ауэрбаху. Было тысячекратно заявляемо о горячих чувствах к личностям, которых и вовсе нельзя ставить наряду с упомянутыми именами, но которые, однако же, все-таки обращали на себя внимание своего общества: таковы, например, Рошфор, Шпильгаген и др. Все эти писатели действительно могут сказать, что они пользуются вниманием своей страны. В одном из наших журналов как-то было с тщанием рассказано о том, с каким вниманием германское общество следит за каждым маленьким своим писателем, добросовестно отмечая ему всякое усовершенствование в его трудах и таланте. Так у опередивших нас по старшинству цивилизации народов не пропадают, не забываются и не гибнут безвременно никакие силы, а все идет впрок, все складывается в общую корванну, - и червонец богача по силам и лепта литературной вдовицы. Если обратимся к своим братьям славянам, то у них увидим даже крайность превознесения, равную разве лишь нашей крайности угнетения сил и принижения русских талантов. Отношения чехов и моравов к своим народным писателям почти священные. Злословие писателя здесь так же редко, как у нас доброе слово о пишущем человеке. Поляки тоже отменно дорожат своими литературными деятелями, и это относится не к одному Мицкевичу, или даже к Красинскому, Вицентию Полю, или Сырокомле, Корженевскому, или Крашевскому; но это идет до Викентия Каратыньского и других подобных последнему писателей, ему же равных по силам и дарованиям у нас легион писателей, захаянных и изруганных всеми ругательствами. В странах, на которые мы сослались, так же как и у нас, помимо таланта автора ценится и принимается в расчет симпатичность или антипатичность его направления, и там, как и у нас, ни один писатель не угождает на все вкусы и не рабствует всем направлениям, но это несогласие автора с тем или другим кружком, с тем или другим "веянием" (как выражался покойный Григорьев), не вменяются человеку в бесчестие, дающее право взводить на него были и небылицы, даже злостные и позорные клеветы, для того только, чтобы таким достойным способом вредить ему в общественном мнении, уже не только как писателю, но даже как гражданину и человеку. В английском обществе есть очень много людей, весьма недружелюбно относящихся к деятельности Диккенса, недовольных Байроном было еще более; у Виктора Гюго тоже немало недоброжелателей во Франции, а у Лагероньера их еще более; Иосиф Фрич в последние годы нашл себе своим русофобством очень много врагов между чехами; в Галичине за многое начинают строго укорять Шевченко и еще более Кулиша, а в Польше одно время с

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru большую враждебностью относились к Корженевскому, но во все эти времена ни против одного из этих людей, ни прямо, ни не подсудным, но нравственно ответственным для честного человека намеком, не высказано миллионной доли того, что и тем и другим способом наговорено у нас писателями одной партии на писателей другой, в чем, разумеется, прежде всего должно видеть на одной стороне следы исторически развитого понимания и деликатности иноземцев и знания ими границ свободы слова, а на другой – недостаток этого знания и этого понимания у нас в России.

На чем же держится и от чего зависит прямая разница таких отношений у нас и за границей?

Многие находят, что определенный ответ на такой вопрос невозможен, потому-де, что хотя и ясно, что деликатность тона и благопристойность литературных приемов держатся на более или менее высоком строе общественного развития, но, с другой стороны, самую возвышенность эту данное общество не обязано ли своей литературе? Следовательно, тут будто бы не разберешь, кто виноват в низменном состоянии литературы. Напрасное и тщетное усложнение вопроса, который сам по себе прост и ясен как нельзя более. Воспитывающее или развивающее влияние литературы отвергать, без сомнения, нельзя; но действующие силы литературы, сами литераторы как члены своей гражданской семьи обязаны своим развитием обществу. Они суть кость от костей и плоть от плоти известного поколения своей страны и всегда чрезвычайно верно отражают в себе все общие черты добродетелей и пороков своего общества. Эпоха упадка в искусстве не совпадала ли с упадком нравов и развитием стремления к наслаждениям грубым и низменным? Экономическая наука принимает за аксиому, что запрос развивает предложение, и аксиома эта имеет полное приложение к настоящему случаю. Период времени с 1825 года до окончания Крымской войны принято считать наистесненнейшим периодом русской литературы. В самом деле, как говорит Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском, мы теперь не можем даже себе представить, что это было за тягостное время для литературы, но литература держалась во все это время великолепно. Помимо того, что страницы журналов тогда украшались именами талантливейших людей, каковы Пушкин, Лермонтов, Гоголь и другие, общее настроение литературного духа и взаимное общение, в котором развивались и совершенствовались тогдашние литераторы, не имеют ничего похожего с тем, что мы видим ныне. То действовали люди александровского времени, народившиеся после великого двенадцатого года и воспитавшиеся при одних обстоятельствах, а теперь действуют иные люди, родившиеся в иное время и воспитанные при иных обстоятельствах, но по всему, – решительно по всему: по нравам, по вкусам и по обычаю, – родные и свойственные своему поколению. Они предлагают то, что у них спрашивают, они говорят с обществом о том, что, по их наблюдениям, занимает общество, и даже говорят тем языком, который, по их соображениям, более идет и более нравится.

Приведем этому несколько доказательств.

У нас в России, в вышеобозначенный нами литературный период, очень много ценился так называемый хороший слог. В начале же нынешнего литературного периода общество стало пренебрегать этим; составилось странное мнение, что будто бы за достоинствами слога скрывается скудость содержания, и в доказательство этого приводились "обточенные периоды" Карамзина и тяжелый язык Шлоссера. Хотя известными трактатами "о хорошем и дурном слоге" и давно разрешено, что хороший слог вовсе не то, что фразистая шумиха слов, и что хороший слог почти всегда свидетельствует о гармонии строения мысли в голове писателя, достоинства слога были презрены, и явились писатели, которые до сих пор удивляют своим неумением писать ясно, не водянисто и сдержанно. Это, конечно, сделал низко павший общественный вкус. Ему предлагают то, чего он спрашивал.

Примеры другого рода: Диккенс, как всем ведомо, имел скандалезнейшую историю, по поводу которой он расстался с своею женою и остался в дружественных отношениях с ее сестрою. Дело получило полную огласку, но ни одно солидное английское издание не сказало об этом ни слова: здесь действовали и уважение к талантам Диккенса и, еще более, боязнь общественного мнения, которое восстало бы против каждого органа, соблазнившегося возможностью поругать любимого писателя, и отшвырнуло бы такой орган в запамет. Органы, враждебные Диккенсу, действовали с такою же осторожностью для того, чтобы не уронить себя в общественном мнении и не ослабиться злорадцами. Недавно тот же Диккенс нескудно попирировал с своими литературными приятелями в своем коттедже, и гости его, перепившись, подрались с медведем, причем сам Диккенс чуть было не лишился жизни, и опять мы не прочли в

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru английских газетах по этому поводу никаких нападок на Диккенса и его друзей, а видели только одну радость, что Диккенс остался жив. Байрон умер в Миссолунги в 1824 году, и только ныне, через сорок пять лет после его смерти, г-жа Бичер-Стоу решилась описать одно из очень черных дел великого поэта, и... в Англии очень недовольны, зачем г-жа Бичер-Стоу это сделала!

Вот от чего зависит нравственная опрятность литературы или ее неряшливость, ее деликатность или беззастенчивость по отношению к писателям. Где этого не любят в обществе, там этого не делают в литературе; а где в обществе кидаются, как у нас, на всякое злословие, там это злословие в литературе развивается до таких чудовищных и ужасающих размеров, до каких оно дошло у нас, где смело можно предлагать миллиардную премию за указание хотя одного имени не обруганного и даже не опозоренного литературного человека, и такого имени никто указать не в состоянии.

В обществе думают, что в этом виноваты сами литераторы, а в литературе основательно убеждены, что в этом виновато общество. По крайней мере несомненно, что держится это омерзительно гадкое злословие на общественном вкусе.

Было бы, однако, конечно, несправедливостью сказать, что таковы поголовно все вкусы, напротив, несомненно, что в нашем обществе есть своя доля людей, которым бесцеремонность отношений литераторов к литераторам надоела и даже оскорбляет их, и вот об этих-то людях здесь тоже приходится сказать два слова, так как между ними мы должны видеть современных друзей литературы и на них в известном смысле возлагать известные надежды, ибо они-де любят литературу.

Любовь и внимание, как и всякие чувства вообще, имеют свои видимые выражения, и по тому, каковы эти выражения, можно судить о самых чувствах. Дети, устами которых, по писанию, творец "совершает хвалу", в играх друг с другом говорят так: "я тебе подарю то-то и то-то, а ты мне что подаришь?" В этом возрасте уже есть понятие о такой комбинации, как взаимноознаграждение даже за подарки. Одна из героинь Бальзака или Жорж Занд говорит: "Да, я пожертвую свету своею любовью, моим счастьем, а чем свет мне за это пожертвует? Нет, - рассуждает она далее, - не за что ему приносить такой жертвы". Более или менее так судят и большинство людей.

Любовь к писателю выражается и вещественными и невещественными знаками. В Англии и во Франции произведения любимых писателей расходятся десятками тысяч, чего у нас не бывает, и вследствие этого во Франции какой-нибудь Сарду живет синьором, имеет дома, дачи, первых лошадей и первостатейное знакомство, тогда как любой наш писатель, ему же г-н Сарду недостоин по своему таланту разрешать ремня у ног, даже ни о чем подобном не грезит в самой дерзкой мечте своей, и умирает слава богу если так, как умер Лажечников, поручая детей своих милосердию государя (и то, заметьте, не общества, а государя!), а чаще же канает на госпитальной койке и хоронится в складчину. Известно, что литература у нас состоит из бедняков, питающихся впроголодь, и самые любимейшие из наших писателей стараются устраивать себя вне зависимости от одного литературного заработка.

Стало быть, вещественных доказательств так называемой любви к литературе и литераторам у нас чрезвычайно как мало и во всяком случае меньше, чем у всех других европейских народов.

Теперь посмотрим на невещественные выражения сочувствия и симпатии. Оказывается, что и этих не более, чем первых. Если у нас в настоящее время нет общих любимцев всей публики, то несомненно, что мы имеем писателей, которые пользуются заметным вниманием известных партий, но стоит любому памфлетисту, любому записному ругателю завтра же "обработать" писателя, которого произведение читалось вчера с несомненным сочувствием, - и этому станут улыбаться, и эта ругань станет повторяться на тысячи ладов: ее будут передавать и пересказывать как нечто достойное внимания и за нею станут забывать самое произведение.

"Да, NN черт знает что пишет, но как он забавно отделал того-то или того-то", - повторяют люди, вчера именно восхищавшиеся тем, о ком нынче прочитали площадное ругательство.

Не только оскорбительнейшие выходки против автора "Петербургских трущоб", жадно читанных в свое время нарасхват всюю Россиюю, но и всякие обиды, чинимые

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru Тургеневу, Гончарову и Писемскому, – все это доставляет видимое удовольствие тем самым людям, которым авторы эти доставляли очень приятные минуты и которым даже, пожалуй, известно, что порицающие Тургенева, Гончарова и Писемского не имеют ни сотой доли дарований этих писателей, ни их прав на общественное внимание и почет.

Думают, что это ничего, что этим никому не вредят, что это-де только для смеха, – а этим много вредят литературе, этим удерживают и утверждают в ней тот жанр, в котором, например, составили себе известность два писателя, не устающие рассказывать, что им вздумается про всех и даже друг про друга о том, что из них один другому говорил, едучи в вагоне с обеда.

Предложение таких вещей является в силу запроса со стороны общества, которое потому и не имеет права ни удивляться тому, что происходит в литературе, ни кичиться перед литераторами элегантностью своего обычая.

Итак, в этом коротком очерке, пределы которого стеснены местом, назначенным для него нашим изданием, мы, как могли, показали кажется, что общество в весьма значительной степени повинно во всех безобразиях современной печати, что любви и внимания к литераторам, их доброму имени и их тягостнейшей и печальной судьбе в нашем обществе нет и что общественное осуждение литературы за многие печальные в ней явления есть только фарисейское лицемерие. К клеветам и преступным намекам на писателей, и вообще к так называемым "литературным скандалам", в нашем обществе многие относятся как к камелиям: они с ними публично не раскланиваются и даже оказывают им мнимое пренебрежение, но втайне наши пуристы не чуждаются их и позволяют им грабить себя со стороны наилучшего и драгоценнейшего своего достояния: со стороны вкуса и воздаяния справедливости труженикам, более или менее честно и строго по мере сил своих и разума служащим литературе.

Судебные дела, которых так много скопилось к этому времени на литераторов, по отношению к одним из них свидетельствуют лишь о слишком строгой к ним придирчивости, по отношению же к другим напоминают, что и литераторы такие же люди и что против каждого из них его собственные семь чувств вступают иногда в жестокие заговоры, низводящие человека с его прямого пути на скамью подсудимого. Ничего в этом необыкновенного и ничего унижающего литературу нет, и в общественных толках, носящих характер сетования и укоризн литераторам за то, что они не стоят "превыше мира и страстей", более всего поражает вопиющая несправедливость таких укоризн и требований от людей, которым общество не только не давало средств становиться "превыше мира", но принижению которых оно при всяком случае как бы радовалось и рукоплескало: "вот-де они, нас поучающие, – сами нас не лучше и не чище!"

Поистине, велика радость и велико утешение, если даже это еще справедливо! Но справедливо ли это и имеет ли наше общество право кичливо думать, что наша литература ему не по плечу и наши литераторы достойны только тех успокоительных чувств, что "они-де никого не лучше", в этом мы в другой раз попробуем свести наши счета и надеемся, что, отнюдь не скрывая всех язв, разъедающих нашу строптивую литературную семью, мы все-таки не просчитаемся.

Бедные новости дня, за исключением одной "особенной", бродящей в сплетнях и рассказнях истории, из коей до нас, частных людей, пока доходят еще только одни

Намеки тонкие на то,

Чего не ведает никто,

ограничиваются на сей раз новою повестью И. С. Тургенева. "Любимый" русский писатель на этот раз порадовал Россию рассказцем, написанным прямо для немецкого издания и на немецком языке; но тем не менее Россия все-таки, конечно, заинтересована этим новым произведением, и о нем надо дать возможно скорый отчет.

Новая повесть И. С. Тургенева, написанная на немецком языке, называется "Странная история". Содержание ее вполне не вымышленное, а истинное: это давняя история жившего в тридцатых годах в городе Орле "блаженного Васи" и одной орловской же девицы, отрекшейся от света и пошедшей "угождать юродивому". Повесть вся крошечная: автор видит Васю, тот чем-то вроде магнетического или гипнотического воздействия на него показывает ему давно умершего его знакомого;

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru потом автор встречает этого же Васю в другом месте в сопровождении знакомой ему девицы Б., оставившей свет ради апостольского служения при юридивом. Вот и все. Всей этой истории – всего на пол-листа, и читается она без малейшей задержки: все ждешь, не будет ли где чего-то? и не встречаешь ничего, кроме самым обыкновенным образом рассказанного анекдота, к которому в Орле давно уже приснащены были разные подробности, упущенные г. Тургеневым или вовсе ему неизвестные (например, электрический свет, исходивший будто бы от юридивого Васи). Вообще же произведение это нельзя назвать и произведением. Это так, литературный вздор, пустяки, не отмеченные даже ни штрихом мысли, ни тенью дарования. Замечательного в этой повести только то, что она написана по-немецки, да то, что автор в ней ручается, что он видел давно скончавшегося человека при обстоятельствах, при которых никакой обман был невозможен.

Первое, то есть немецкий диалект, на котором написана новая повесть русского писателя, многих приводит в негодование и даже прямо сердит. Чего и из-за чего? Немецкое издание прямо объясняет, что повесть эта была писана "для него". Разве же не свободен беллетрист сделать свою работу на том или на другом языке? "Вестник Европы" только теперь окончил печатание очень умного и очень скучного романа Бертольда Ауэрбаха "Дача на Рейне", которого до сих пор на немецком языке еще не было, и это в Германии никого особенно не удивляет, и Ауэрбаха никто за то не корит. Не станем и мы удивляться тому, что г. Тургенев дал какой-то ничтожный клочок своей работы в немецкое издание. Просили, он и дал, – это, может быть, самое простое и верное объяснение.

В обществе говорят, что он сделал это с досады, со злости на равнодушие, с каким были встречены его последние вещи. Какая нелепость! И где это равнодушие? – мы его вовсе не видим. "Дым" был прочитан залпом, нарасхват, с увлечением, а если "Собака", "Лейтенант Ергунов", "Бригадир" и "Несчастливая" проманкированы общественным вниманием, то ведь это очевидно вещи, которым и сам автор не придавал никакого большого значения. Это были так себе – просто неудачные наброски, которые можно было бросить, но можно было, пожалуй, и напечатать, когда пристают да просят: "дайте, дескать, нам что-нибудь, бога ради!"

Немым молчанием, с которым публика прошла мимо этих двух безделушек, она, как нам кажется, дала г. Тургеневу только новое доказательство своей любви и своего уважения к нему. Приведенные нами неудачные его вещи были приняты как были "пустое слово", сказанное уважаемым человеком, и его постарались почтительно не слышать... Скажите же, бога ради, что тут обидного, и на кого тут сердиться?

За что ты нас возненавидел?

Какою грубостью своей

Простой народ тебя обидел?

Нет, нет, – все это вздор, все это праздные толки, в основе которых нельзя предполагать ничего достоверного. Начни глаголать разными языками г. Достоевский после своего "Идиота" или даже г. Писемский после "Людей сороковых годов", это, конечно, еще можно бы, пожалуй, объяснить тем, что на своем языке им некоторое время конфузно изъясняться; но г. Тургенев никакой капитальной глупости не написал, и ни краснеть, ни гневаться ему нечего.

Что же касается до нехитрого содержания новой безделушки г. Тургенева, то мы уже сказали, что это – известное множеству лиц довольно давнее орловское происшествие, которое, всеконечно, было известно и г. Тургеневу, как орловскому уроженцу и тамошнему землевладельцу. Рассказ тургеневский ни больше ни меньше как просто запись этого происшествия. В обществе прозревают, или, лучше сказать, заподозревают в "Странной истории" г. Тургенева нечто спиритское, хотя уже, если пошло на подозрения, то в ней правильнее заподозреть не спиритизм, а мистицизм; но спиритизм в моде, он поддерживается неземными веяниями "Войны и мира", и потому теперь в спириты у нас очень легко жалуют. Человек видел усопшего и погребенного... Конечно, это не всякому случается, но, однако, нет, кажется, никакого основания утверждать, что это уже ни для кого, никогда, ни при каких обстоятельствах и ни в какую минуту невозможно. Иначе пришлось бы отвергать очень многое, начиная с библейских сказаний о тени Самуила, вызванной к Саулу волшебницей аэндорскою, до засвидетельствованного протоколами видения шведского короля Карла XI, до общеизвестных и неоспариваемых случаев с ближайшими к нам людьми: с доктором Берковичем (Собрание сочинений В. А. Жуковского, изд. шестое,

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru том VI, стр. 59) и с Николаем Васильевичем Гоголем, слышавшим назначение ему часа отхода с земли. От подобных вещей можно, и, может быть, даже должно, не отбрыкиваться, не будучи ни мистиком, ни спиритом. Столь воспрославленный по достоинству Шекспир едва ли где-нибудь еще столь искренен, как в словах: "Нет, друг Горацио, – есть вещи, которые еще не снились нашим мудрецам", а мы все, не исключая самых умнейших и учнейших из нас, пока еще столь недалекие мудрецы, что даже не знаем сущности некоторых сил, полученных нами в обладание (электричество, магнетизм).

У г. Тургенева героиня его нового рассказа говорит, что "мертвых нет", в чем многие видят кощунство не только против естественных наук, но и против того особого реализма, какой один чуткий критик навязал графу Л. Н. Толстому в награду за "Войну и мир". Конечно, ничто подобное верованию в бесконечность духовной жизни до сих пор естественными науками не доказано; но ведь естественные науки, надеемся, далеко еще не сказали своего последнего слова, и ими нам немало не разъяснены знакомые множеству людей внезапные предчувствия, безотчетные симпатии и такие же антипатии и многое другое, что может быть как угодно отвергаемо, но что тем не менее все-таки ощущается, следовательно, существует. Парижский ученый и профессор Фламарион (Flammarijon) в недавно сказанной им речи указывал, что новая философия должна основываться на прочных естественнонаучных законах и направлять свою деятельность на те области природы, которые до сих пор покрыты мраком неизвестности. "В природе (сказал он) существуют такие движения и вибрации, которых мы не можем постигнуть материальной стороною своего существования. Так, например, некоторые виды лучей света нечувствительны для нас, но чувствительны для йода; мы познаем только две вибрации – света и звука, а в природе существует сто и более тысяч вибраций". Да и, наконец, естественные науки еще только одна сторона знания, а между тем Христос нам говорит, что "несть бог мертвых, но бог живых"; дамаскин в песнопениях, повторяемых церковью, поет об "усопшем", а не об умершем брате, и открытый критиком Страховым реалист Лев Николаевич Толстой видит в смерти "пробуждение от сна жизни"... Таким образом, если г. Тургенев (буде ему следует и в этом рассказе навязывать тенденцию), если он и верит сам с своею героинею, что "мертвых нет", то это верование во всяком случае не только очень распространенное, но и не унижающее ни чувства, ни разума тех, кто его содержит, находясь через то в мысленном единении с целою плеядою мудрецов, допуская бессмертия духа. Компания – самая почтенная, тяготение к которой понятно как нельзя более.

Вот мысли, которые пришли нам по прочтении неважной самой по себе новой повестцы г. Тургенева и по выслушании многих мнений, выраженных на ее счет как людьми дружественными автору, так и людьми, ему издавна враждебными.

К этому еще два слова по поводу людей враждебных "любимому русскому писателю", или, лучше сказать, по поводу его отношений к этим людям.

И. С. Тургенев в своем "прекрасном далеко", куда он скрылся от нас и где (как писано) поет чужим голосом и пишет на чужом языке, всеконечно лишен большого удовольствия видеть очень веские доказательства любви к нему в России. Несмотря на то, что совсем плохая и ничтожная в литературном отношении последняя повестца его огласилась здесь, когда общество только что зачитывалось "Обрывом" г. Гончарова (из-за которого старые экземпляры "Вестника Европы" продаются теперь на книжном рынке по 25 рублей); несмотря на то, что именно теперь, в эту самую минуту, внимание читающей публики поглощено последним, заключительным томом "Войны и мира", – тургеневская безделушка, которую неловко и поминать при двух вышеназванных произведениях, прочитана и... поставлена ему очень многими людьми в заслугу. В чем могла быть здесь отыскана заслуга, и в чем она заключается? В речительстве, которое дает ему автор "Отцов и детей", что те менуэты, которые он начинал было вытанцовывать перед иными из своих противумысленников, ему не к чину и не к летам... Пора, в самом деле, и не бояться говорить, что думаешь: здесь ведь, дома, есть люди, которые гораздо больше г. Тургенева оттерпели и злых напраслин, и клевет, и самых низких поношений; но они не пятятся от сказанного, они не жалобятся, не дуют губы и не жмутся чужим людям под ноги, как слегка посеченная розгою фаворитная господская амишка... Что делать: "говорить правду – терять дружбу" – это пословица не новая, но тем не менее все-таки надо говорить правду, особенно когда пушистый снег уже успел покрыть все кудри и очам души невдалеке уже зрится берег той страны, "откуда путник к нам еще не возвращался"... Помилуют ли нас или не помилуют, будет ли нам утешением хоть минута раскаяния в тех, кто сторицею облыгал нас всеми лжами и клеветами, – это

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru нам должно быть все равно: на весь мир пирога никогда не спечешь, и угодив одним, опять не потрапишь на других. Всякое подделывание и танцы менуэтов и гавотов бесполезны, а между тем смешная их сторона чувствуется.

Перед И. С. Тургеневым, как и перед всеми нами, в последний год вырос и возвысился до незнакомой нам доселе величины автор "Детства и отрочества", и он являет нам в своем последнем прославившем его сочинении, в "Войне и мире", не только громадный талант, ум и душу, но и (что в наш просвещенный век всего реже) большой, достойный почтения характер. Между выходом в свет томов его сочинения проходят длинные периоды, в течение которых на него, по простонародному выражению, "всех собак вешают": его зовут и тем, и другим, и фаталистом, и идиотом, и сумасшедшим, и реалистом, и спиритом; а он в следующей затем книжке опять остается тем же, чем был и чем сам себя самому себе представляет, конечно, вернее всех направленных критиков и присяжных ценщиков литературного базара. Это ход большого, поставленного на твердые ноги и крепко подкованного коня.

Теперь для оттенка ему – маленький мулик, маленький онагр. Г-н Ключников, автор известного "Марева", после этого романа выплыл с "Большими кораблями". Плавал он на них долго, а промеж волн от него все-таки ничего не было видно. Тогда он написал "Цыган". Что это такое эти "Цыгане"? – это уж и уму непостижимо: это, как кто-то метко выразился, не "цыгане", а воробьи, на том основании, что "где они ни слетятся, тут сейчас и свадьба". Но мир им: пусть себе греются. Пример его здесь нужен лишь к тому, что бедный автор воробьев, чувствуя, что под ним разъезжаются его неокрепшие копытца, сейчас ищет спасения – в чем бы вы думали? – в неопределенности, в бесцветности. Он объявляет небывалую вещь: он хвалится, что будет издавать что-то такое, чуждое всякой тенденции... Даже чуждое и той, воробьиной-то, которая была, и той уж долее не будет?.. Ну, скажите бога ради: каких действительно "у нашего царя людей нема"!

И. С. Тургеневу все юродствования наших литературных чудодеев въявь известны, ибо он своими собственными устами пророчески изрек на последней странице "Отцов и детей", что настала уже для нас горькая пора, когда одного и того же человека вполне основательно можно будет называть "русским литератором и дураком", – так неужто же и этим тоже угождать надо и их внимания и их доброго слова заискивать?.. Господи, да тогда уже и на свете бы жить не стоило!

Нет, верим и хотим верить, что г. Тургенев, несмотря на его "Несчастную", на его "Собаку", "Лейтенанта" и "Бригадира" и рассказанного немцам Васю-юродивого, еще не отжил всех лучших сил своих. Становясь определенно на одну сторону, он опять зачерпнет живой воды и поднимет на ней опару и выложит тесто в нечто стройное, в чем снова не без пользы узнают себя и подающиеся отцы и неподатливые дети, которые уже давно бросили "резать лягушек" и берутся за кое-что другое. Последнее бессилие И. С. Тургенева – это прямое следствие его зарубежничества. России нынче нельзя изображать, не живя в России, и тому, между прочим, лучшее доказательство писательница, скрывающаяся под псевдонимом Марка Вовчка. До житья ее в Париже это был если не глубокий, то чуткий и очень симпатичный талант. Все, что она написала за границей, совсем отменилось: дарований как не бывало. По возвращении на родину ею опять написана "Живая душа" – вещь чудовищная по уродливости замысла, бедности содержания и даже по неискренности ее исполнения. Но прошло мало времени, Марко Вовчок окунулась в ходящие ходенем волны нашего житейского моря, и вот перед нами в "Отечественных записках" опять верный и мастерской рассказ ("Записки причетника"). Такова сила жизни, захватывающей и увлекающей чуткую душу и диктующей ей и хваленья и пени.

Дома у нас в литературе опять, кажется, затевается бой, – по крайней мере перчатки уже брошены, и одна сторона подняла свою перчатку, а другой отмолчаться будет неудобно. Доктор Опальный, которому, по замечанию г. Незнакомца "С.-Петербургских ведомостей", "глядясь в зеркало, очень удобно узнать г. Лохвицкого", вступаясь за сего последнего, говорил не совсем почтительно о какой-то известной будто бы ему "шайке" в "Петербургских ведомостях". Те обиделись и выставили против неприятеля своего Незнакомца. Витязь уже выехал, навязал на конец своего кнута какой-то секретный, нарочно про г. Лохвицкого припасенный камень и протрубил, что зовет г. Лохвицкого на остатный бой, на смертельный. Дело и пустое и не пустое: пустое – если смотреть на него с той точки зрения, что в газетах люди всегда перебранивались и даже прежде перебранивались больше, чем нынче, но не пустое – если стать разыскивать, за что столь долго и столь упорно преследуется у нас доктор прав Лохвицкий, человек несомненно ученый, талантливый и смелый? В истории этой почти ничего не поймешь,

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru если не восходить воспоминаниями к очень старой перепалке "Современника" со старыми "Отечественными записками". Доктор прав Лохвицкий тогда стоял в "Отечественных записках" и в споре чисто научном довольно сильно и логично побивал г. Антоновича, обозвав под конец своих противников "умственной кабацкою голью". Вот где причина сей бесконечной вражды, почтенный читатель, и вот еще с тех-то пор человека преследуют, где только могут, а вы изволите все это читать, даже, вероятно, не доразумевая: чего ради все это расточается, и кому то интересно: господин ли Корш лучше г. Лохвицкого, или г. Незнакомец один обоих их во всем гораздо превосходит?

Не понимаем и отказываемся понимать и эту вендету и это усердие вытаскивать наружу какие-то сокровеннейшие тайны друг друга с единою целью не мнение свое отстоять, а замарать имя противника.

Знаем, что слова эти – глас вопиющего в пустыне, но не можем не сетовать, что это все так и остается, и что в обществе в силу того сложилась даже поговорка: он ругается, как литератор.

Какая честь!

Не наше, разумеется, дело вступать в эту ссору, но в интересах литературы, в интересах и без того уроненной репутации литературных людей мы позволили бы себе выразить искреннейшую радость, если бы объявленный турнир по какому-нибудь счастливому случаю отменился. По крайней мере хоть на некоторое время. Нет мудреного, что эту радость нашу разделили бы с нами, может быть, и многие другие, не исключая самых подписчиков двух газет, собирающихся как можно лучше друг друга попозорить.

Газета "Весть" как раз отозвалась к нашим недавним заметкам о запрещениях. Из "Вести" мы узнаем, что существуют, или могут существовать где-то, предположения запретить дамам полусвета рассаживаться где им угодно в Большом и в Михайловском театрах, а предоставить в их распоряжение в Михайловском театре ложи бельэтажа, а в Большом бенеуар. Престранная эта весть из "Вести"! Читаешь и невольно вспоминаешь, как в "Русском вестнике", в статье о консерваторах, характерно заметили, что "в "Вести" и серьезно говорят на смех". Кому в самом деле могла бы прийти в голову эта "серьезная мысль на смех"? Слова нет, что близкое соседство через один барьер в ложе с кокеткою имеет очень много своих неудобств для семейной дамы. Тут возможны и не совсем строгие разговоры и... да больше-то, кажется, и ничего невозможно. Помочь этому горю силятся отделением особого яруса для коковок... Прекрасно. Но известно, что кокетки отнюдь не подчинены тем охранительным или стеснительным правилам, которыми управляются промышленные своею красотой женщины низшего разряда... Кокетки это по всей внешности их – дамы, и подчас даже самые казистые, самые представительные дамы, которые одеваются у Изомбар, Андрие и Мошра, которые щеголяют тысячными рысаками, экипажами и лакеями. Почем узнавать и отличать их от прочих дам – и потом кто может и кто будет производить эту сортировку? Кассир театра? – но он часто и не видит того, для кого у него покупают ложи? Положим, он требует имя и записывает его, но имя совершенно звук пустой, потому что у нас пока еще нет адрес-календаря кокоткам, по которому кассиры могли бы о них справляться. Капельдинер – что ли – может не впускать даму, если она на его лакейский взгляд камелеобразна? Но тогда в театральных коридорах повторяются все безобразия сцен, случавшихся у входа в пассаж гр. Штейнбока, когда в прошлом году правление пассажа вздумало было не впускать туда проституток. Честных женщин, не выдерживавших лакейской критики, без всякой церемонии оскорбляли самым наглым выводом, возникали ссоры, судбища, и, наконец, пришли к убеждению, что дело это не годится и что его надо бросить. Потом: ярус, определенные для камелей, будут ли позорною выставкою продажной красоты? Очевидно – да. Это будут галереи портретов, из которых каждый за известную цену вынимается из его рамки. Прекрасно! Но прилично ли это императорскому театру заведомо учреждать такие галереи?.. Далее: с тех пор как ложи известных ярусов Большого и Михайловского театров делаются заведомо кокотскими, могут ли в них ходить другие женщины, и пойдут ли они в эти ярус, зная, что всякая, кто здесь сидит, по всем правам может быть считаема за кокетку и может, следовательно, подвергаться тому обращению, какому подвергаются кокетки? Очевидно, что семейные женщины туда не пойдут; но допустите ошибку со стороны заезжих, весьма возможную ошибку со стороны провинциалов, которыми Петербург всегда полон... Виновен ли будет человек, который, увидя в кокотском ярусе лож женщину не кокетку, пригласит ее к заключению кратковременного знакомства по поводу пятидесяти или ста рублей?

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Вероятно, не виновен! – Но допустим, что дело обойдется: вся Россия узнает, что в петербургских театрах есть кокотские ярусы лож, и начинается новая история: вдруг (что весьма возможно) кокотки не разбирают всех лож, а другим этих лож в силу обстоятельств брать нельзя, чтобы не попасть в кокотки... Выгодно ли это будет кассам театральной дирекции?..

Нет, мы еще раз отказываемся верить, чтобы у кого-нибудь могли возникать и формулироваться такие чудовищные и совсем неудобноисполнимые предположения, и, нам кажется, действительно люди правы, приходя к заключению, что редактор "Вести" г. Скарятин как-то уже до того неряшливо растрепался, что "за слова его даже становится стыдно".

- Но, - говорят, - тем не менее соседство кокоток неприятно.

- Совершенно верно.

- И мы желаем от него избавиться.

- И это понятно.

Вопрос в том: кто же должен быть этим избавителем дам света от дам полусвета?

Как решен был бы этот вопрос в другой стране, того мы не знаем, но у нас решение ему исстари готово.

- Правительство, мол, должно нас освободить от кокоток; распоряжение-де сделать и запретить и "этцетера, а нам спать пора".

Поспешай, благодетельное начальство!

Вот уже истинно не мимо сказано, что "мы рады вмешать правительство даже в ссоры с нашими собственными женами". Сколько тут может правительство? Мы это уже видели. Кроме одной путаницы, суматохи и ближайшего сознания полнейшей непригодности всех мер ничего нельзя предсказать. И потом: за что, за какие грехи вмешать в это дело правительство? Оно кокоток не заводило, их завело общество; оно одно властно само с ними и разделаться. С правительства же можно взять только пример, как расстаются с таким имуществом, которое стало бременем и в котором более не хотят нуждаться.

У правительства было тоже такое позорное имущество, как кокотки: это были кобылы, кнуты, плети и клейма, которыми били и увечили людей по закону. Вещи эти по тому же закону составляли "казенную собственность", о соблюдении которой известные лица должны были пешихся, и вот, когда телесные наказания были отменены, один такой попечительный человек, как все, верно, помнят, объявил в газетах о торгах на продажу ненужных плетей и клейм. Что же ему отвечали?

Откуда-то послышалось негромкое тссс, и даже чиновники, сберегавшие плети и клейма, смекнули, что говорить о таком имуществе бестактно, его бросили, и его нет, а вот великосветская газета этого не понимает и велеречит о том, в чем даже сознаться бестактно, что свет наш одолели кокотки.

- Отчего их нет, однако, в Александринском театре и в Русской опере?

- Оттого, что там нет праздного, пустого и мотающего народа, поддерживающего кокоток. Ну, не поддерживайте их, и они исчезнут, как всякая брошенная гадость; а не можете не поддерживать, нужны они вам для услады жизни, так не жалуйтесь и не призывайте власть разыгрывать смешные роли: "Мы, мол, им будем билеты покупать, а вы их выводите - и в результате вы за все будете смешны".

Почтенные дамы, страдающие от тягостного и неприятного соседства кокоток, должны сетовать не на начальства и власти, а на своих милых отцов, мужей, сынков и братьев, которые в оперной ложе горды, как лорды, и, может быть, целомудренно отворачиваются от кокотки, а там... "там, где море вечно плещет", там они все почти "фаусты наизнанку".

Тру-ля-ля,

Пиф-паф-пуф,

Стан согнув,

Так рукою, так ногою.

Пиф-паф-пуф,

Пиф-пуф!

Мы уже однажды по поводу кокоток приводили старую поговорку: "где орлы, там и падаль".

Уберите, господа, падаль, и птицы разлетятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

РУССКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗАМЕТКИ

Впервые опубликованы в газете "Биржевые ведомости", 1869, лл 236 и 340, 1 сентября и 14 декабря, без подписи. Впоследствии не перепечатывались.

На принадлежность этих статей Лескову указывает А. Н. Лесков ("Жизнь Николая Лескова", стр. 195, 232 и др.) и сам писатель (см. в наст. томе письмо к С. А. Юрьеву от 18 декабря 1870 года).

"Русские общественные заметки" представляют большой интерес для характеристики сложной литературной позиции писателя в этот период. Из большого количества статей (всего более двадцати пяти) в данном издании приводятся лишь две – посвященные главным образом литературным вопросам.

Стр. 72. ... "узду с гремушками да бич"... – неточная цитата из стихотворения Пушкина "Свободы сеятель пустынный..." (1823).

Стр. 73. когда был в моде трубочист... – цитата из стихотворения Н. Ф. Щербини "Наше время" (1867).

... "владение крещеною собственностью"... – то есть крепостными крестьянами. "Крещеная собственность" – название известной брошюры Герцена, изданной в Лондоне в 1853 году (изд. второе – Лондон, 1857).

Муравьев, М. Н. (1796 – 1866) – реакционный политический деятель, в 1863 году руководил подавлением польского восстания, был председателем следственной комиссии по делу Каракозова; вошел в историю под кличкой "Вешатель".

Стр. 74. "Московские ведомости" недавно выразили ту мысль... Очевидно, имеется в виду передовая статья в л 188 от 28 августа, посвященная открытию съезда естествоиспытателей в Москве.

... ветулийскую жену (Юдифь). – Речь идет об опере А. Н. Серова "Юдифь" (1862) на сюжет известного библейского сказания о подвиге Юдифи, спасшей иудеев, осажденных в городе Ветиле.

Стр. 74 – 75. ... дело... издателя Щапова... – В заседании С.-Петербургской судебной палаты по уголовному департаменту 12 августа 1869 года разбиралось дело по обвинению П. В. Щапова в нарушении законов о печати, выразившемся в издании книги Луи Блана "Письма об Англии" (т. I и т. II, в переводе под редакцией М. А. Антоновича); издателю был вынесен оправдательный приговор. Отчет о процессе печатался в "Биржевых ведомостях", 1869, лл 229, 231 от 24 и 26 августа.

Стр. 75. Луи Блан (1811 – 1882) – французский социалист-утопист, историк, либеральный политический деятель.

Спасович, Владимир Данилович (1829 – 1906) – адвокат, либеральный публицист и историк литературы.

Вендета (итал. vendetta – мщение) – обычай кровной мести на Корсике и в Сардинии.

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru
Толерантность – терпимость к чужим мнениям и верованиям.

Стр. 76. "Панургово стадо" – антинигилистический роман В. В. Крестовского; печатался в "Русском вестнике" в 1869 году.

Гласные суды – то есть суды с открытым разбирательством дел; введены в результате судебной реформы 1864 года.

Стр. 77. Превыше мира и страстей – неточная цитата из стихотворения Пушкина "Красавица" (1832).

Ауэрбах, Бертольд (1812 – 1882) – немецкий писатель.

Рошфор, Анри (1830 – 1913) – французский буржуазный публицист и политический деятель.

Шпильгаген, Фридрих (1829 – 1911) – немецкий писатель.

Стр. 78. Корванна. – См. примечание к стр. 59.

Мицкевич, Адам (1798 – 1855) – великий польский поэт, революционер.

Красинский, Зигмунт (1812 – 1859) – польский поэт.

Поль, Викентий (1807 – 1872) – известный польский поэт.

Сырокомля – псевдоним известного польского поэта Людвиг Кондратовича (1822 – 1862).

Корженевский, Иосиф (1797 – 1863) – польский писатель.

Крашевский, Юзеф Игнацы (1812 – 1887) – польский писатель.

Каратыньский, Викентий (1831 – 1891) – польский поэт; Лесков был лично знаком с ним (см. А. Лесков. Жизнь Николая Лескова, стр. 108).

Григорьев, Аполлон Александрович (1822 – 1864) – русский критик и поэт.

Лагероньер – видимо, Альфред Лагероньер (1810 – 1884) – французский политический деятель и публицист.

Фрич, Иосиф Вацлав (1829 – 1890) – чешский политический деятель и писатель радикально-демократического направления.

Стр. 79. Кулиш, Пантелеймон Александрович (1819 – 1897) – украинский писатель, критик, историк; идеолог буржуазного национализма. См. о нем также в примечании к статье о Шевченко.

Стр. 80. ...говорит Тургенев в своих воспоминаниях о Белинском... "Воспоминания о Белинском" были впервые напечатаны в "Вестнике Европы", 1869, кн. 4, стр. 695 – 729.

Шлоссер, Фридрих-Кристоф (1776 – 1861) – немецкий историк буржуазно-демократического направления; его "Всемирная история" в 19 томах была переведена на русский язык под редакцией Н. Г. Чернышевского и В. А. Зайцева (18 тт., 1851 – 1869).

Стр. 81. ...отшвырнуло... в запамет – предало забвению.

...Г-жа Бичер-Стоу решила описать... – Имеется в виду нашумевшая статья американской писательницы Г. Бичер-Стоу (1811 – 1896) "The true story of lady Wuyon's life" ("Истинная история жизни жены Байрона"), появившаяся в 1869 году; в статье приводились вздорные выдумки относительно нравственного облика великого поэта.

Стр. 82 Сарду, Викторьен (1831 – 1908) – французский буржуазный драматург.

...как умер Лажечников... – И. И. Лажечников умер 26 июня 1869 года. Сведения о

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovniko1ai.ru жизни Лажечникова Лесков мог почерпнуть из статьи Л. Нелюбова "Иван Иванович Лажечников" ("Русский вестник", 1869, октябрь, стр. 561 601).

Стр. 83. ...автора "Петербургских трущоб"... - то есть В. В. Крестовского.

Стр. 85. Намеки тонкие на то, чего не ведает никто... - См. примечание к стр. 59.

...рассказцем... на немецком языке... - Имеется в виду рассказ Тургенева "Странная история", впервые опубликованный в октябре 1869 года на немецком языке в берлинском журнале "Салон".

Стр. 87. ...спиритизм... поддерживается... веяниями "Войны и. мира"... - Очевидно, имеются в виду страницы романа, посвященные изображению масонов.

...начиная с библейских сказаний о тени Самуила... до... видения шведского короля Карла XI, до общеизвестных... случаев... с доктором Берковичем... - О всех этих мистических явлениях говорится в статье В. А. Жуковского "Нечто о привидениях" в издании, указанном Лесковым (ошибочно названы страницы); см. В. А. Жуковский. Собрание сочинений, изд. 6-е, т. VI, СПб., 1869, стр. 589 - 610.

Стр. 88. ...и с Николаем Васильевичем Гоголем... - Возможно, что речь идет о словах Гоголя в "Предисловии" к "Выбранным местам из переписки с друзьями": "Я был тяжело болен, смерть уже была близка..."

"Нет, друг Горацио..." и далее - слова Гамлета из одноименной трагедии Шекспира (д. I, сц. 5).

...один чуткий критик навязал... Л. И. Толстому... - Речь идет о статье Н. Н. Страхова, см. примечание к стр. 102.

Фламарион, Камилл (1842 - 1925) - французский астроном и автор ряда научно-фантастических романов.

Дамаскин, Иоанн (конец VII в. - около 754) - византийский богослов и философ, автор богословских сочинений и церковных песнопений.

Стр. 89. "Прекрасное далеко" - выражение Гоголя из "Мертвых душ" (т. 1, гл. XI), повторенное Белинским в письме к Гоголю (1847).

...общество только что зачитывалось "Обрывом"... - Роман И. А. Гончарова "Обрыв" печатался в "Вестнике Европы", 1869, кн. 1 - 5.

...менуэты... перед иными из своих противумысленников... - Речь идет об отношениях Тургенева к представителям русского революционного движения.

Стр. 90. Онагр (франц. *onagre*) - дикий осел.

Клюшников, автор... "Марева"... выплыл с "Большими кораблями"... написал "Цыган". - Роман В. П. Клюшникова "Большие корабли" (не целиком) печатался в "Русском вестнике", 1866, кн. 3, 5; роман "Цыгане" - в журнале "Заря", 1869, лл 2 - 4, 6, 7, 10, 12.

Стр. 91. ...издавать... чуждое всякой тенденции... - С 1870 гота Клюшников становится редактором журнала "Нива"; видимо, об этом издании и говорит Лесков.

...на последней странице "Отцов и детей"... - Имеются в виду слова в эпилоге по адресу Ситникова: "Отец им помыкает по-прежнему, а жена считает его дурачком... и литератором" (И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. 3, М., 1954, стр. 370).

...писательница, скрывающаяся под псевдонимом Марко Вовчка - Мария Александровна Маркович (1834 - 1907), известная русская и украинская писательница демократического направления; ее роман "живая душа" был впервые опубликован в "Отечественных записках", 1868, лл 1 - 3, 5, "Записки причетника" - 1869, лл 9 - 12 и 1870, лл 10, 11. О личных отношениях Лескова и М. А. Маркович см. письма 15, 17 и примечания к ним.

Стр. 92. Доктор Опальный... по замечанию г. Незнакомца... - Полемике с А. В.

Русские общественные заметки. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Лохвицким был посвящен очередной фельетон Суворина "Недельные очерки и
картинки", напечатанный в "С.-Петербургских ведомостях", 1869, л 336, 6 декабря.

...на остатний бой, на смертельный – неточная цитата из "Песни про царя Ивана
Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова" Лермонтова.

...к очень старой перепалке "Современника" со старыми "Отечественными
записками". – Критика по адресу А. В. Лохвицкого содержалась в ряде выступлений
"Современника": Н. Г. Чернышевский – "О пленных по древнему русскому праву". А.
Лохвицкого" (1856, л 1, стр. 17), М. А. Филиппов – "Г-ну Лохвицкому" (1859, л
11, стр. 58 – 64), Ю. Жуковский – "Губерния, ее земские и правительственные
учреждения" (1864, л 8, стр. 222 – 226) и др.

Корш, Валентин Федорович (1828 – 1893) – историк литературы, журналист, в 1863 –
1874 годах редактор "С.-Петербургских ведомостей".

Стр. 93. Газета "Весть"... отозвалась к нашим недавним заметкам о запрещениях. –
Имеется в виду отклик газеты "Весть" (1869, л 342, 10 декабря) на "Русские
общественные заметки" Лескова, помещенные в "Биржевых ведомостях", 1869, лл 319
и 333, от 23 ноября и 7 декабря.

...в "Русском вестнике", в статье о консерваторах... – Речь идет о статье В.
Безобразова "Наши охранители и наши прогрессисты" ("Русский вестник", 1869, т.
83, октябрь, стр. 389 – 486).

Стр. 94. ...Изомбар, Андрие и Мошра... – строка из стихотворения Некрасова
"Балет" (1866), к именам дано разъяснение поэта: "Известные модистки".

Пассаж гр. Штейнбока. – См. примечание к стр. 13.

Стр. 95. Этцетера (франц. et cetera) – и так далее.

Стр. 96. ...когда телесные наказания были отменены... – Телесные наказания были
отменены законом в 1863 году, однако для крестьян сохранялось применение розог
по приговорам волостных судов.

"Там, где море вечно плещет" – первая строка стихотворения Пушкина "Талисман"
(1827).

"Фауст наизнанку" – оперетта французского композитора Ф. Эрве (1825–1892),
либретто – Г. Кремье; на русский язык переведена В. С. Курочкиным (см. издание:
"Фауст наизнанку". Опера-буфф, слова Кремье, музыка Эрве. Переделка с
французского В. Курочкина. Пб., 1869); в России впервые поставлена на сцене
Александринского театра 17 октября 1869 года. "Тру-ля-ля, Пиф-паф-пуф" и т. д. –
слова из этой оперетты.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!